

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА, принятое в российской историографии название военной кампании на территории России (июнь — дек. 1812) в ходе войны 1812–1814 гг., во время наполеоновских войн; одно из центральных событий российской и европейской истории нач. XIX в. Термин «Отечественная война» появился еще в ходе самой войны; в исторической лит-ре закрепился после выхода статьи Ф. Н. Глинки «Рассуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года» (Сын Отечества. 1816. Ч. 27. № 4. С. 138–162).

О. в. была вызвана комплексом политических и экономических противоречий между Российской империей и Францией, в основе к-рых лежало, с одной стороны, стремление имп. Наполеона I Бонапарта к гегемонии в Европе, с другой — желание имп. *Александра I Павловича* восстановить систему «европейского равновесия», сохранить свои традиц. связи и сферы влияния в герм. гос-вах и на Ближ. Востоке, а также взять реванш за военные поражения России в 1805 и 1807 гг. Важнейшим фактором, ускорившим начало войны, стал отход России от политики континентальной блокады Великобритании, к к-рой она была вынуждена присоединиться по условиям Тильзитского союзного договора 1807 г. и к-рая существенно подрывала ее экономику.

Уже в 1810 г. обе стороны начали активную подготовку к войне. Рос-

сийское командование предлагало различные планы военных действий, однако в итоге имп. Александр I утвердил стратегическую концепцию буд. войны с Наполеоном I, рассчитанную на 3 года (1812–1814) и предусматривавшую ведение военных действий сначала на территории России, а затем — Зап. Европы. В основу плана кампании 1812 г., разработанного военным министром М. Б. Барклаем де Толли совместно с имп. Александром I, легло положение о необходимости отступления вглубь страны в отношении главной группировки неприятеля и активных действий против его слабых флангов с целью изматывания противника и достижения равенства сил. Разработке этого плана, названного современниками «скифским» (по аналогии с методами ведения войны скифами против войск персид. царя Дария I), способствовали данные российской разведки о более чем вдвое превосходящих силах неприятеля. Численность войск Великой армии, сосредоточенных накануне войны в Пруссии и Герцогстве Варшавском, оценивалась примерно в 450 тыс. чел., тогда как российские войска, расположенные на зап. границе, насчитывали лишь 210–220 тыс. чел. Перед О. в. они были разделены на 3 армии: 1-я Западная армия под командованием генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли (ок. 120 тыс. чел.) находилась в районе Вильно, 2-я Западная армия во главе с генералом от инфантерии кн. П. И. Багратионом (45–48 тыс. чел.) — у г. Волковыска, 3-я Обсервационная армия генерала от кавалерии А. П. Тормасова (ок. 45 тыс. чел.) — на территории Волынской губ.

10 июня 1812 г. французский посол в С.-Петербурге Ж. А. Лористон вручил председателю Гос. совета и Комитета министров ген.-фельд-маршалу гр. Н. И. Салтыкову ноту с объявлением войны, формальным поводом для чего послужило требование российского посла в Париже кн. А. Б. Куракина о выдаче ему паспорта для отъезда на родину.

12(24) июня 1812 г. Великая армия, в состав к-рой помимо франц. войск входили воинские контингенты вассальных Франции государств Центр. Европы и союзных ей Австрии и Пруссии, начала переправу через Неман. В течение недели границу Российской империи перешли

448 тыс. чел. (т. н. 1-й эшелон армии вторжения); позднее к ним присоединились еще 199 тыс. чел. (всего ок. 647 тыс. чел.). Император Наполеон I планировал, используя численный перевес в людской силе, поочередно разбить разобщенные российские армии в приграничных сражениях и навязать императору Александру I выгодный для Франции мир. Однако война пошла по сценарию, разработанному в С.-Петербурге.

13 июня император Александр I, находившийся в Главной квартире 1-й Западной армии, подписал приказ, содержащий горячий призыв: «Воины! Вы защищаете веру, отечество, свободу. Я с вами. На зачинающего Бог». Чтобы продемонстрировать Европе свое миролюбие и подчеркнуть, что вина за начало войны лежит на противнике, российский император в тот же день послал к императору Наполеону I генерал-адъютанта А. Д. Балашёва (Балашова) с предложением мира на условиях вывода Великой армии из России, но его поездка не увенчалась успехом. После этого Александр I прекратил все контакты с императором Наполеоном I и не ответил ни на одно из 4 поступивших от него мирных предложений.

Следуя принятой концепции, 1-я и 2-я Западные армии начали отступление вглубь страны, уклоняясь от генерального сражения. Предписав князю П. И. Багратиону отходить в сторону Минска для взаимодействия с 1-й армией, М. Б. Барклай де Толли двинулся к Дриссе. По достижении укрепленного Дрисского лагеря, находившегося между дорогами на Москву и С.-Петербург, российское командование обсудило проект генерал-лейтенанта К. Л. Фуля, согласно которому 1-я армия должна была принять на себя основной удар, а 2-я армия — действовать во фланге и тылу неприятеля. Однако, получив известие, что силы Багратиона оттеснены корпусом маршала Л. Н. Даву на юг от Минска и, следовательно, не смогут принять участие в предполагаемом сражении, Барклай де Толли убедил Александра I продолжить отступление, оставив для прикрытия петербургского направления корпус генерал-лейтенанта графа П. Х. Витгенштейна.

7 июля император Александр I, уступив уговору приближенных, покинул Главную квартиру и направился в С.-Петербург, чтобы военные неудачи не бросили тень на императорскую власть.

Император Александр I.
Раскрашенная гравюра. 1814 г.

Несмотря на отъезд из армии, роль императора Александра I в войне не была пассивной, как это неоднократно утверждалось в исторической литературе. Являясь верховным руководителем государства, он принимал все важнейшие стратегические и военно-политические решения. Уже в первые месяцы войны российский император объявил борьбу с Наполеоном I всенародным делом и начал антинаполеоновскую пропаганду, оказывавшую значительное влияние на общественное мнение не только в России, но и в Западной Европе. Однако главная заслуга Александра I заключалась в его непоколебимом решении не заключать мир до тех пор, пока на территории России останется хотя бы один неприятельский солдат. Твердая позиция российского императора свела на нет саму возможность победы Наполеона I, став в конечном счете одной из главных причин будущего триумфа России.

6 июля 1812 г. император Александр I подписал манифест «О сборе внутри государства земского ополчения», в котором свидетельствовал о том, что в борьбе с вторгнувшимся в пределы России врагом император решил сделать основную ставку на Православие и народную войну. Император обращался ко всем своим подданным, «ко всем сословиям и состояниям, духовным и мирским», приглашая их «единодушным и общим восстанием содействовать против всех вражеских замыслов и покушений» (ПСЗ. Т. 32. № 25176. С. 388). Он предлагал поражать неприятеля «на каждом шаге» «всеми средствами и силами, не внимая ни

каким его лукавствам и обманам». Манифест содержал знаменитую фразу: «Соединитесь все: с крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют». По свидетельству современников, манифест оказал существенное влияние на патриотическое настроение широких масс. Прямо противоположное впечатление он производил на офицеров Великой армии, которые увидели в нем «призыв к бесконечной войне» и усомнились в победоносном завершении своего похода. «Как и когда, — писал лейтенант О. Рёдер фон Бомсдорф, — будет закончена борьба с самодержцем девятой части земли, который призвал... своих подданных истреблять нас любыми находящимися в их распоряжении средствами» (*Röder von Bomsdorff O. W. Mittheilungen aus dem russischen Feldzuge. Lpz., 1816. Bd. 1. S. 111–112*).

Решение императора поддержала Русская Православная Церковь: Синод выпустил воззвание, в котором вслед за манифестом читали во всех храмах страны. В нем подчеркивалась связь происходивших событий с Великой Французской революцией, во время которой «ослепленный мечтою вольности» французский народ казнил законного короля Людовика XVI и осквернял собственные храмы, чем заслужил проклятие Бога, распространившееся также и на те страны, которые последовали за Францией. Император Наполеон I именовался «всеголюбивым, ненасытимым, не хранящим клятв, не уважающим алтарей врагом», который «покушается на нашу свободу, угрожает домам нашим и на благолепие храмов Божиих простирает хищную руку». Война осознавалась как «искушение», нависшее над Россией, которое она должна преодолеть с Божьей помощью и еще больше утвердиться «в уповании на Промысел». Церковь призывала прихожан «принять оружие и щит» и «охранить веру отцов». Духовенству предписывалось укреплять людей в вере и призывать к участию в организации и деятельности ополчения: «Всех научайте словом и делом не дорожить никакою собственностью, кроме веры и Отечества» (РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 627. Л. 15).

В плане выполнения духовенством этого предписания показательным случаем, происшедший 25 июля 1812 г. в Тамбове во время заседания мест-

ного дворянского собрания, рассматривавшего вопрос о создании ополчения. Еп. Тамбовский и Шацкий *Иона (Василевский (Васильевский))*; вполн. митрополит), совершив литургию, в полном облачении вошел в дом, где проходило собрание, исполнил молебственное пение с коленопреклонением и обратился к дворянству и купечеству с краткой речью, призвав «ополчиться единодушно и сокрушить зубы скрежещущего врага», доказать, что «мы за святость веры, за дом Божией Матери, за честь и славу великого монарха нашего готовы победить или умереть». Епископ первым внес 3 тыс. р. на создание ополчения. Этот поступок, по словам очевидца, «побудил все состояния к похвальному соревнованию».

Положения воззвания Синода нашли отражение и развитие в речах церковных иерархов, в проповедях и молитвах священнослужителей, обращенных к армии, ополчению и народу. Огромной популярностью пользовались речи выдающихся проповедников того времени митр. С.-Петербургского и Новгородского *Амвросия (Подобедова)* и еп. Дмитровского *Августина (Виноградского)*; вполн. митрополит), временно управлявшего Московской епархией «до выздоровления» митр. Московского *Платона (Левшина)*.

Во всех епархиях вскоре стали читать специальные молитвы, к-рые, как правило, были составлены епархиальными архиереями, отпечатаны в типографиях и разосланы по

бедова). Даже в Великом княжестве Финляндском была составлена особая молитва, содержавшая смиренную просьбу к Богу «положить предел высокомерию завоевателя» и «даровать победу справедливому делу» «миролюбивого Государя» Александра I.

Антинаполеоновская церковная проповедь, подчеркивавшая религ. значение войны (ее представляли как священный подвиг в защиту Православия от «безбожной» Франции), укрепляла в рус. обществе сознание национального единства и поддерживала патриотические настроения.

Религ. фразеология активно использовалась также светской пропагандой. Напр., полковые священники в войсках распространяли информацию из письма профессора Дерптского ун-та В. Ф. Гецеля, к-рое было послано в начале О. в. М. Б. Барклаю де Толли. Применив к франц. алфавиту принцип евр. изображения чисел, где первые 10 букв обозначают единицы, а прочие — десятки, Гецель высчитал в имени и титуле Наполеона I «звериное число 666», а также, истолковав 2 фрагмента Апокалипсиса (Откровения св. Иоанна Богослова), предсказал его скорое падение. Последнее объяснялось числом 42: согласно Апокалипсису, власть зверю (отождествлявшемуся христ. эсхатологией с антихристом) будет дана на 42 месяца, а Наполеону I в то время было 42 года. Исчисления Гецеля и размышления о созвучии имен Наполеона и «апокалипсического» Аполлиона (демона истребления, разрушения и смерти) имели в эпоху О. в. довольно широкое распространение, оказывая влияние не только на простой народ, но и нередко на представителей дворянства.

Для создания соответствующего образа врага активно использовались также изобразительное искусство и худож. лит-ра. В 1812 г. были изданы десятки карикатур, на к-рых франц. император был изображен в демоническом облике (с рогами и хвостом) или стоящим рядом с сатаной и чертями. Известный график И. И. Тербенёв выполнил портрет Наполеона I, где его лицо состояло из мертвых тел, а одежда — из обрывков карты Европы. Этот художественный прием был заимствован автором с гравюры XVIII в., изображавшей голову царя Ирода, составленную из трупов Вифлеем-

ских младенцев. Г. Р. Державин в ряде возвышенных произведений, используя подчас чрезмерные гиперболы, представил О. в. как борьбу тьмы со светом, зла с добром, нечестия с Православием. Напр., в лиро-эпическом гимне 1812 г. «На прогнание французов из Отечества» (опубл. в янв. 1813) имп. Наполеон I изображен вышедшим из бездны «таинственных числ зверем», «в плоти седьмглавым Люцифером, о десяти рогах венчанным», драконом или «демоном змеевидным», который в сопровождении подчиненных ему ехидн шествует по земле, сея повсюду смерть. Все живое бежит от зверя прочь, но вот на его пути встает «агнец белорунный, смиренный, кроткий, но челоперунный» — имп. Александр I, к-рый поднимает народ на борьбу за веру, против «врагов Христовых».

Несмотря на допускавшиеся по законам жанра приемы преувеличения (гипербола, гротеск, ирония), антинаполеоновская пропаганда опиралась на реальные исторические факты и отражала осмысление современниками их сакрального смысла. Еще до начала О. в. события, происходившие во Франции (гонения на Церковь и духовенство во время Великой Французской революции, введение республиканского календаря и провозглашение новой религией культа Разума), а также слишком прагматичная, даже беспринципная церковная политика Наполеона I, его неоднократные столкновения с папой *Пием VII*, закончившиеся в 1809 г. отлучением франц. императора от Церкви и пленением Римского первосвященника, создали у современников ощущение некоего духовно-религ. мятежа, поднятого Наполеоном I против христианства. В 1806–1807 гг. в связи с созывом Наполеоном I в Париже Великого синодрия (о созыве объявлено в окт. 1806, заседал в февр.—апр. 1807), вызванного желанием преодолеть национальную обособленность евреев и привлечь их в армию, возникла легенда о демонической сущности франц. императора. Великий синодрий (высшее религ. учреждение Древней Иудеи), осудивший в свое время на распятие Иисуса Христа, не созывался полтора тысячелетия. По существовавшему преданию, вновь собравшийся синодрий должен был ознаменовать приход антихриста. Неудивительно, что уже

Наполеон в руках дьявола.
Немецкая карикатура. После 1813 г.

приходским храмам: в Московской епархии — «Молитва об изгнании врагов из Отечества» еп. Августа (Виноградского), в С.-Петербургской — «Пастырское приглашение к молитве» митр. Амвросия (Подоб-

извещение о его предстоящем созыве встревожило христиан. При этом если большинство европ. гос-в ограничилось замалчиванием этого события, то в России, находившейся в то время в состоянии войны с Францией, правосл. Церковь в специальном объявлении Синода от 15 дек. 1806 г., читавшемся во всех храмах страны, дала ему соответствующую оценку, намекнув на приход «лже-мессии». 25 янв. 1807 г. с аналогичным посланием выступил митр. Римско-католической Церкви в России Станислав *Богуш-Сестрентцевич*. Идея о демонической сущности Наполеона I была развита в 1808–1809 гг. в Испании и в герм. гос-вах. В 1812 г. в России она вновь оказалась востребованной. Великая армия, залившая кровью половину Европы, грабившая и осквернявшая рус. правосл. храмы, действительно воспринималась многими как своеобразная темная сила, а ее предводитель сравнивался и даже отождествлялся с антихристом. Начавшаяся О. в. осознавалась многими не только как военно-политическое столкновение гос-в, но и как религиозно-цивилизационное противостояние правосл. России и «безбожной» Франции.

Помимо активной проповеднической деятельности правосл. духовенство внесло значительные денежные средства на организацию народного ополчения. 25 июля 1812 г. имп. Александр I утвердил доклад Синода от 17 июля, содержавший предложения: из прибылей, получаемых от продажи свечей в церквях, отдать 1,5 млн р. «в пособие к составлению новых сил» (ополчения); пригласить духовенство к пожертвованиям; разрешить причетникам, детям священно- и церковнослужителей и семинаристам (не выше риторического класса) по желанию «увольняться в ополчение» (Там же. Д. 634. Л. 9–10). Пожертвования от духовенства поступали в местные духовные консистории, откуда по согласованию с губернаторами направлялись в губ. комитеты народного ополчения. Епархиальные архиереи сообщали в Синод о количестве собранных средств и о лицах, пожелавших поступить в ополчение. Согласно рапортам архиереев, хранящимся в архиве Синода, и нек-рым др. источникам, общая сумма пожертвований правосл. духовенства на ополчение (вместе с 1,5 млн р., выделен-

ных Синодом) составила: 2 405 076 р. 60 к. ассигнациями, 27 214 р. 88 к. серебром, 556 р. золотом, 3 388 р. 10 к. медью; 60 пудов 27,5 фунта 67,5 золотника (свыше 994 кг) серебра и 10 фунтов 18,5 золотника (свыше 4 кг) золота в изделиях и слитках. Наиболее крупные вклады составили пожертвования ряда монастырей: Троице-Сергиева лавра внесла 70 тыс. р. ассигнациями, 2 500 р. серебром и 5 пудов 20 фунтов 20 золотников (свыше 90 кг) серебра в вещах и слитках; Александро-Невская лавра — 25 225 р. и 5 пудов 37 фунтов 85 золотников (свыше 97 кг) серебра. *Ферапонтов Лужецкий в честь Рождества Пресвятой Богородицы мужской монастырь* пожертвовал 2 тыс. р. в пользу больных и раненых воинов.

Согласно вышеупомянутым рапортам, в ополчение вступили 412 лиц духовного сословия, среди ко-

вновь подошли к Смоленску, где 4–6 авг. вели бои за город с переправившимися через Днепр основными силами Великой армии. Во время сражения на городской крепостной стене находился священник Одигитриевской ц. Смоленска Никифор Мурзакевич, ободрявший оборонявшихся и причащавший раненых. По представлению ген.-майора И. Ф. Паскевича «за столь примерный и похвальный поступок» о. Никифор был награжден скуфьей. В нач. авг. 1812 г. из Успенского собора Смоленска в Москву (затем в Ярославль) еп. Смоленским *Иринеем (Фальковским)* была вывезена чудотворная Смоленская икона *Божией Матери «Одигитрия»*. После Смоленского сражения М. Б. Барклай де Толли принял решение продолжить отступление. По его распоряжению российские войска взяли с собой список Смоленской иконы

Божией Матери «Оди-

Пригороды мест. Бешенковичи
Лепельского у. Витебской губ.
на правом берегу р. Зап. Двина,
29 июля 1812 г.
Литография
по рис. К. В. Фабера дю Фор.
30-е гг. XIX в.

торых значительное место занимали ученики духовных академий, семинарий и уездных уч-щ. Так, из КазДА в армию ушли 56 чел., из КДА — 22, из Калужской ДС — 50 чел. Помимо семинаристов и церковнослужителей, которые, как не имевшие священного сана, могли взять в руки оружие, при отрядах народного ополчения состояли священники, выполнявшие те же функции, что и военное духовенство в регулярной армии.

На театре военных действий после ряда арьергардных схваток и боев — при Островно, Какувячине, Лучесе (1-я Западная армия), под Миром, Романовом и Салтановкой (2-я Западная армия) — российские войска смогли оторваться от преследования и 22 июля успешно соединились под Смоленском, сорвав тем самым план Наполеона I разбить российские армии поодиночке в приграничных генеральных сражениях. После неудачной (из-за разногласий в среде высшего военного руководства) попытки перейти в наступление российские войска

гитрия» — т. н. надвратный образ Божией Матери (находился в храме Рождества Пресв. Богородицы над 1-м ярусом Флоровской башни Смоленского кремля), выполненный в 1535 г. иконописцем Постником Ростовцем по повелению царя Иоанна IV Васильевича Грозного. Хранение иконы было поручено 1-й артиллерийской бригаде полковника В. А. Глухова. При выносе образа на городской площади при большом стечении народа был отслужен молебен. Священник закончил чтение Евангелия словами: «Пребысть же Мариам с нею яко три месяцы, и возвратися в дом Свой», к-рые оказались пророческими: икона вернулась в Смоленск ровно через 3 месяца. Все это время она сопровождала российскую армию во всех событиях и сражениях О. в. вплоть до освобождения Смоленска. По свидетельству ген.-лейтенанта П. П. Коновницына, «войска с благоговением зрели посреди себя образ сей и почитали оный благоприятным залогом Всевышнего Милосердия. При одержании над неприятелем важных побед и успехов приносимы были всегда пред

иконою благодарственные молебствия» (РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 11. Л. 485).

Практически с первых шагов Великой армии по территории России завоеватели начали грабить православные храмы и мон-ри. При этом зап. губернии (отчасти из-за политики, проводимой местными властями, а также из-за измены архиеп. Могилёвского *Варлаама (Шишацкого)*, присягнувшего Наполеону I) пострадали сравнительно мало: в Волынской-Житомирской епархии было разграблено 12 церквей, в Могилёвской — 3 мон-ря и 11 храмов, в Минской — 4 мон-ря и 36 церквей. В Центральной России грабежи приобрели массовый характер, в общей сложности там было разорено более 50% всех существовавших на оккупированных землях церквей: в Смоленской епархии — 6 мон-рей и 252 (по др. данным, 323) церкви, в Калужской епархии — 2 мон-ря и 24 (по др. данным, 27) церкви.

Во время оккупации Смоленска лишь благодаря ходатайству свящ. Никифора Мурзакевича избежал разорения Успенский собор: священник попросил маршала И. Мюрата поставить караул у собора, «чтобы не впускать в него нижних чинов». Кроме того, Мурзакевичу удалось частично спасти от расхищения архиерейскую ризницу и неск. церквей, а также помешать франц. артиллеристам снять с колоколен Успенского собора, Одигитриевской ц. и храмов Троицкого мон-ря колокола для перелива в пушки. Отец Никифор заботился и о духовном состоянии смолян (исполнял церковные требы), ухаживал за ранеными рус. солдатами, остававшимися в городе. Подчас оккупанты обходились со священнослужителями очень жестоко. Так, 14 сент. на священника Успенского собора в Смоленске Василия Щировского прямо во время службы наполеоновские офицеры натравили собак, после чего от полученных ран и стресса священник заболел и 2 окт. скончался. Священника ц. Успения Пресв. Богородицы с. Стабна (Стабны) Смоленского у. Емельяна Волочкова за отказ выдать церковные ценности французы привязали к хвосту лошади и протаскивали до соседнего с. Печерска и обратно, отчего он скончался.

Еще до оставления Смоленска по настоянию генеральской оппозиции (вел. кн. Константин Павлович, кн.

П. И. Багратион, А. П. Ермолов, Н. Н. Раевский и др.) имп. Александр I решил назначить единого главнокомандующего всеми войсками на зап. театре военных действий. Для этой цели он создал Чрезвычайный комитет по выбору главнокомандующего под председательством ген.-фельдмаршала гр. Н. И. Салтыкова. 5 авг. члены комитета единогласно поддержали кандидатуру генерала от инфантерии М. И. Кутузова, к-рый через 3 дня был утвержден императором в должности главнокомандующего. Прибытие Кутузова 17 авг. в штаб-квартиру российских армий в с. Царёво-Займище было встречено с большим воодушевлением. Войска мгновенно облетела поговорка: «Приехал Кутузов бить французов», однако перелом в войне произошёл не сразу. Главнокомандующий приказал продолжить отступление с целью поиска позиции для генерального сражения. Через 4 дня позиция была избрана у с. Бородина. 23–24 авг. к армии присоединился корпус Московского ополчения. При его выступлении в поход 14 авг. еп. Августин вручил ему 2 хоругви, взятые из приходской Спасо-Преображенской ц. (одну — с изображением свт. Николая Чудотворца и Успения Пресв. Богородицы, другую — с изображением Успения Пресв. Богородицы и Воскресения Христова). От имени имп. Александра I Московскому ополчению был передан образ прп. Сергия Радонежского, присланный императору митр. Платоном (Левшиным). Этот образ, сделанный из гробовой доски прп. Сергия еще в царствование Феодора Иоанновича, находился в рус. армии во время русско-польск. войны 1654–1667 гг. и русско-швед. войны 1656–1658 гг. по повелению царя Алексея Михайловича и во время Северной войны 1701–1721 гг. по распоряжению царя Петра I.

По свидетельству ряда франц. мемуаристов, Наполеон I неоднократно (в Вильно, Витебске, Смоленске) испытывал колебания относительно целесообразности дальнейшего продвижения вглубь России. Но политическая необходимость закончить войну за одну кампанию каждый раз вынуждала его идти вперед. В результате ускоренных маршей, недостатка провианта и фуража, а также походных лишений Великая армия уже в первые 2 месяца войны потеряла за счет отставших, заболевших

и дезертировавших ок. 150 тыс. чел. Кроме того, ее центральная группировка была ослаблена по причине усиления фланговых корпусов (маршала Н. Ш. Удино и ген. Ж. Л. Э. Рейнье) после их неудач под Клястицами и Кобрином. В связи с этим к началу генерального Бородинского сражения 26 авг. между российской и Великой армиями на центральном направлении установился примерный паритет сил.

Накануне генерального сражения, 25 авг., по российскому военному лагерю пронесли список Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрия». Вечером перед ней в присутствии Кутузова был отслужен молебен: «Духовенство шло в ризах, кадила дымились, воздух оглашался пением, и святая икона шествовала. Сама собою, по влечению сердца, стотысячная армия падала на колени и припадала челом к земле, которую готова была упоить досыта своей кровью. Везде творилось крестное знамение, по местам слышались рыдания. Главнокомандующий, окруженный штабом, встретил икону и поклонился ей до земли» (*Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения. М., 1839. Ч. 1. С. 39*).

Несмотря на титанические усилия, приложенные противниками в ходе Бородинского сражения, оно фактически закончилось вничью, поскольку ни одна из сторон не добилась поставленных перед собой задач: фронтальные атаки частями Великой армии рус. позиций не привели к разгрому армии Кутузова, а последняя не смогла остановить Наполеона I. Понеся при Бородине большие потери и не дождавшись подхода резервов, российская армия продолжила отступление, намереваясь дать новое сражение на подступах к Москве, в районе Поклонной горы.

Донесение М. И. Кутузова имп. Александру I о Бородинском сражении, в к-ром сообщалось, что «неприятель отбит на всех подступах», было обнародовано в С.-Петербурге и воспринято как сообщение о победе. Строки о новом отступлении из него исключили, чтобы поддержать в народе надежду на благополучный исход войны. Император произвел М. И. Кутузова в ген.-фельдмаршалы, во всех храмах в честь успешного сражения отслужили благодарственные молебны. Однако 1 сент. на военном совете в Филях было принято

решение оставить Москву без боя ради сохранения армии.

На следующий день в Москву вступили части Великой армии Наполеона I. В Москве были разграблены и осквернены 22 из 24 существовавших мон-рей (РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–18, за исключением Данилова и Новодевичьего; в Новодевичьем мон-ре размещались отряды Великой армии, но разрушений удалось избежать) и большинство церквей — 227 из 264 (в результате после О. в. упразднены 3 наиболее пострадавших мон-ря — Георгиевский, Ивановский (возобновлен в 1859) и Крестовоздвиженский, а также 11 приходских церквей). Успенский собор Московского Кремля — главная святыня Москвы — был разорен и превращен в конюшню, а также в помещение для переплавки риз с икон и др. серебряных и золотых вещей. В Высокопетровском мон-ре оккупанты устроили скотобойню, во мн. монастырских и приходских храмах — жилые помещения, конюшни и склады для хранения продуктов, соломы и овса. Они кололи на дрова иконы, стреляли в лики святых. Варварское поведение завоевателей было вызвано режимом оккупации, давшим волю их низменным инстинктам, разной конфессиональной принадлежностью противников, а также безразличным отношением большинства представителей Великой армии к религии вообще и непониманием ими ценностей и традиций рус. народа. Оккупанты нередко истязали священно- и церковнослужителей с целью выяснить, где спрятаны церковные ценности. В частности, по словам казначея московского Богоявленского мон-ря иером. Аарона, его плечи и спина «целый месяц были черны» от ударов саблями. Тщетно стараясь получить от него монастырское золото и серебро, французы таскали его «за волосы и бороду и наставляли к груди штыки» (РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 21–21 об.). Защищая имущество своих храмов, многие представители духовенства погибли. Среди них наиболее известен настоятель (с 1773, с 1772 диакон) ц. Сорока мучеников Севастийских бывш. подмонастырской слободы Новоспасского мон-ря в Москве свящ. Петр Гаврилов. Также в Москве до смерти были забиты священник Архангельского собора Московского Кремля

ведение богослужений в оккупированной Москве и за сохранение церковного имущества на-

*Московский пожар.
1813 г.*

*Худож. А. Ф. Смирнов
(Музей-панорама
«Бородинская битва»,
Москва)*

персными крестами от Синода были награждены священники: ц. Рождества Пресв. Богороди-

цы на Стрелке Алексей Иванов; ц. Максима Блаженного на Варварке Игнатий Иванов; ц. Живоначальной Троицы Егор Семенов; ц. Рождества Пресв. Богородицы в доме кнг. Голицыной Исидор Дмитриев; ц. Живоначальной Троицы Георгий Легонин; ц. сщмч. Ианнуария в Запасном дворце Григорий Гаврилов; ц. Грузинской иконы Божией Матери на Воронцовом поле Василий Гаврилов; ц. Казанской иконы Божией Матери с. Коломенского Московского у. Афанасий Ипатов (совершал богослужения и требыв один при 5 церквях в окрестных селениях); ц. Вознесения Господня Алексей Марков (неприятельские солдаты, пытавшиеся выяснить местонахождение церковных ценностей, избили его и обрили ему голову и бороду). Протоиерей ц. Преображения Господня на Глинницах Петр Семенов, совершавший богослужения и имевший тяжелые увечья от врагов, был награжден золотым наперсным крестом, украшенным алмазами. В ц. св. Евпла практически ежедневно совершал службы протоиерей Кавалергардского полка Михаил Андреевич Гратинский (Грацинский), к-рый после Бородинского сражения поехал в Москву для обновления изношенной церковной ризницы и был захвачен неприятелем в плен. Несмотря на присутствие противника, о. Михаил возносил к Богу мольбы о победе рус. оружия. После оставления неприятелем Москвы свящ. Михаил Гратинский вернулся в свой полк. За доблестные подвиги он был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте и орденом Св. Анны 2-й степени.

Разграбление Москвы и грандиозный пожар, уничтоживший более половины города, произвели неизгладимое впечатление на современ-

В уцелевших храмах оккупированной Москвы приходские священники проводили богослужения и совершали требыв, что укрепляло моральный дух населения. После окончания О. в. московский ген.-губернатор гр. Ф. В. Ростопчин (Ростопчин), собирая сведения о поведении обывателей, отдал справедливую «достохвальному поведению духовенства», к-рое во время пребывания врага в Москве и Московской губ. «не переставало исполнять обеты своего священного сана, напоминая народу словом и делом обязанности его перед Богом и царем». По его мнению, «внушения служителей Православной Церкви преобразили смиренных поселян в мужественных защитников блаженного Отечества нашего — принявших смерть за веру и верность» (РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4908. Л. 1–2). За про-

ников. Авторитет Александра I стремительно упал. При дворе сформировалась «партия поборников мира», в к-рую вошли вдовствующая имп. *Мария Феодоровна*, цесаревич Константин Павлович, гр. А. А. Аракчеев и др. сановники. Сомневаясь в успешном исходе войны, они призывали императора вступить с Наполеоном в мирные переговоры. Но Александр I был непреклонен. Напротив, он больше, чем когда-либо, был полон решимости бороться. Внешняя стойкость стоила императору тяжелых душевных переживаний. После сдачи Москвы он стал ежедневно читать Библию и подолгу молиться, находя в этом источник утешения и бодрости. Позднее император признавался: «Пожар Москвы осветил мою душу и наполнил мое сердце теплотой веры, какой я не ощущал до тех пор. Тогда я познал Бога» (*Знаменский П. В.* Чтения из истории Рус. Церкви за время царствования имп. Александра I. Каз., 1885. С. 26).

Бесчинство завоевателей подтверждало в глазах народа правильность положений церковной проповеди о безбожии противника и необходимости защиты св. веры, вызвало взрыв всеобщего негодования и явилось одной из причин народной войны, начавшейся при вступлении противника на территорию центральных губерний России. К моменту взятия Москвы война приобрела поистине всероссийский размах, в ее орбиту были втянуты все социальные слои населения. При приближении неприятеля жители в массовом порядке покидали города и села, угоняли скот, вывозили продовольствие. Крестьяне уездов, расположенных вблизи следования Великой армии, защищали свои дома и храмы от посягательств неприятельских фуражиров и мародеров. В движении сопротивления активно участвовали священно- и церковнослужители, нек-рые из них стали даже организаторами и руководителями крестьянских отрядов самообороны. Во главе таких отрядов в 1812 г. находились: священник ц. Преображения Господня с. Крутого Юхновского у. Смоленской губ. Григорий Лелюхин, священник Рождественского собора г. Вереи Иоанн Скобеев (награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за деятельность по освобождению Вереи), протоиерей ц. Успения Пресв. Богородицы с. Любунь Мо-

сальского у. Калужской губ. Иаков Чистяков, дьячок Пятницкой ц. г. Рославля Смоленской губ. Савва Красотелёв (погиб при столкновении с неприятелем у дер. Козловка), пономарь Введенской ц. с. Савенки Сычёвского у. Смоленской губ. Алексей Смирягин (награжден знаком отличия Военного ордена за отнятие у франц. офицера ордена Почетного легиона и 4 карт России), дьячок ц. Живоначальной Троицы с. Рюховского Волоколамского у. Московской губ. Василий Рагузин (нес также разведывательную службу; награжден серебряной медалью «В память Отечественной войны 1812 года») и др.

По призыву имп. Александра I в короткие сроки были сформированы губ. ополчения, а также созданы иррегулярные войска (полки калмыков, башкир и др. народностей империи), к-рые, несмотря на слабую подготовку, значительно увеличили численность российской армии.

Между тем М. И. Кутузов с главными силами, оставив Москву, совершил знаменитый Тарутинский марш-маневр (выйдя из города по Рязанской дороге, перешел на Каширскую, затем — на Серпуховскую и Подольскую дороги и остановился лагерем у с. Тарутина), в результате к-рого российская армия не только заняла выгодную позицию, прикрыв юж. губернии страны, но и на неск. дней исчезла из поля зрения противника, не подозревавшего о ее местонахождении. Для наблюдения за частями Великой армии были высланы армейские летучие отряды. Все дороги из Москвы были блокированы частями ополчения.

В Тарутине российская армия отдыхала и пополнялась постоянно прибывавшими резервами, в то время как Великая армия, находясь в разоренной Москве, голодала и дисциплинарно разлагалась, постепенно теряя боеспособность. Наполеон I рассчитывал заключить в Москве мир, но его надежды не оправдались. Многократные попытки связаться по этому поводу с имп. Александром I провалились. Посланный к Кутузову для заключения перемирия ген. Ж. А. Лористон также вернулся ни с чем. Понимая, что дальнейшее пребывание в Москве не только не имеет смысла, но и грозит его армии гибелью, Наполеон I принял решение совершить фланговое движение на Калугу, уничтожить российские тыловые базы, а затем отступить к Смоленску

и встать там на зимние квартиры. 7 окт. Великая армия выступила из Москвы по направлению к Калуге, что вскоре было обнаружено партизанским отрядом А. Н. Сеславина.

12 окт. корпус Д. С. Дохтурова вступил с авангардом Великой армии под командованием принца Э. Богарне в ожесточенное сражение под Малоярославцем. В этом бою подвиг совершил священник 19-го егерского полка Василий Васильковский, который, согласно донесению Дохтурова Кутузову, находился «впереди полка с крестом» и «своим наставлением и примером мужества поощрял солдат поражать врагов и умирать бесстрашно за веру и Государя». Раненный в голову, он был вынесен с поля боя. По представлению Кутузова имп. Александр I пожаловал священнику орден Св. Георгия 4-го класса. В истории России это был первый, а в период наполеоновских войн единственный случай вручения такой награды священнику (еще ранее, 15 июля, о. Василий отличился в сражении под Витебском, где также находился с крестом «впереди сражающихся», поощрял наступающих и исповедовал тяжело раненных, сам получил ранение в щеку от рикошета ядра и сильную контузию в грудь от удара пули в наперсный крест; за героизм в том сражении был награжден камилавкой).

Во время сражения под Малоярославцем Кутузов перебросил главные силы российских войск на Калужскую дорогу и занял позицию позади этого города. Отказавшись от генерального сражения, Наполеон I двинулся по разоренной Старой Смоленской дороге. Российская армия преследовала противника параллельным маршем, вынуждая угрозой возможного обхода постоянно ускорять темп отступления. 22 окт. под Вязмой российские войска попытались отрезать несколько корпусов противника, но были отбиты. В кон. окт. Великая армия подошла к Смоленску, однако с планами на зимовку пришлось расстаться, поскольку город был почти полностью сожжен, а запасы продовольствия и фуража оказались незначительными. 2 нояб. Великая армия продолжила отступление. К этому времени она насчитывала уже чуть более 41,5 тыс. боеспособных солдат, еще ок. 30 тыс. чел. представляли собой неорганизованную толпу.

3–6 нояб. под Красным российские войска повторили попытку отрезать несколько неприятельских корпусов, в результате почти полностью уничтожив корпус маршала М. Нея. Значительно активизировались действия на флангах Великой армии, где благодаря переброске армии адмирала П. В. Чичагова с Дуная и корпуса ген.-лейтенанта барона Ф. Ф. Штейнгеля из Великого княжества Финляндского образовалось численное превосходство российских войск. Корпуса гр. П. Х. Витгенштейна и барона Ф. Ф. Штейнгеля освободили Полоцк, 3-я Западная

пали в плен; начальник штаба имп. Наполеона I маршал Л. А. Бертье, докладывая в нач. 1813 г. императору о результатах О. в., был вынужден сделать вывод: «Армии более не существует». Логическим продолжением О. в. стали военные кампании 1813 и 1814 гг., получившие в отечественной историографии название «Заграничные походы русской (российской) армии» и завершившиеся взятием Парижа 19(31) марта 1814 г. и низложением имп. Наполеона I.

25 дек. 1812 г. имп. Александр I в манифесте, изданном по случаю изгнания неприятеля из пределов России,

назвал главной причиной победы помощь Бога: «Не отнимая достойной славы ни у главнокомандую-

*Освобождение Вязьмы.
20-е гг. XIX в.
(Музей-панорама
«Бородинская битва»,
Москва)*

щего над войсками нашими знаменитого полководца, принесшего бес-

смертные Отечеству заслуги, ни у других искусных и мужественных вождей и военачальников, ознаменовавших себя рвением и усердием, ни вообще у всего храброго нашего воинства, можем сказать, что содеянное ими есть превыше сил человеческих. И так да познаем в великом деле сем промысел Божий» (ПСЗ. Т. 32. № 25295. С. 486–487). В др. манифесте от того же числа император объявил о своем намерении соорудить храм во имя Христа Спасителя «в ознаменование благодарности... к промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели» (Там же. № 25296. С. 487–488). Та же мысль была выражена в надписи на реверсе серебряной медали «В память Отечественной войны 1812 года», учрежденной 5 февр. 1813 г. для участников О. в.: «Не нам, не нам, а имени Твоему». Эта библейская фраза была помещена также на реверсах бронзового наперсного креста и бронзовых медалей на Владимирской и Аннинской лентах, учрежденных Высочайшим манифестом от 30 авг. 1814 г. для духовенства, священнодействовавшего в 1812 г., дворянства и купечества соответственно. Тогда же имп. Александр I постановил проводить в день Рождества Христова ежегодное празднество,

получившее офиц. наименование «Рождество Спасителя нашего Иисуса Христа и воспоминание избавления Церкви и Державы Российской от нашествия галлов, и с ними двадцати язык». В этот день после окончания литургии было решено совершать особое благодарное молебствие с коленопреклонением при чтении специально установленной на этот случай молитвы, текст к-рой по поручению Синода написал архим. свт. *Филарет (Дроздов;* вполн. митрополит).

Действия священно- и церковнослужителей в ходе О. в. получили высокую оценку со стороны церковных и гос. властей. 4 авг. 1813 г. в обращении ко «всему православному духовенству российскому» Синод отметил, что «сила слова и примера, с которою пастыри... внушали народу обязанности к Богу и верность к законному Государю, ободряли угрожаяемых, утешали бедствующих и претворяли кротких поселян в отважных поборников Отечества, оправдана всенародным опытом и неоднократно засвидетельствована властями военными и гражданскими». «Изволением» имп. Александра I «от его священного престола и от всего христолюбивого Отечества» Синод засвидетельствовал «православному духовенству российскому благоволение и честь и благодарение» (С.-Петербургские сенатские вед.: Газ. 1813. № 36).

За отличия в О. в. и заграничных походах российской армии 1813–1814 гг. наград были удостоены свыше 90 из 200 полковых священников: 30 из них были награждены скуфьями, 35 — камилавками, 12 — наперсными крестами от Синода, 8 — орденами Св. Анны, 4 — золотыми наперсными крестами на Георгиевской ленте, 4 — золотыми наперсными крестами из Кабинета Его Императорского Величества. Позднее, в 1815–1818 гг., в т. ч. и за участие в военных действиях 1812–1814 гг., еще 67 полковых священников получили скуфьи, 45 — камилавки, 17 — наперсные кресты от Синода. 14 военных священников были ранены или контужены в О. в. и заграничных походах российской армии 1813–1814 гг., а священник Черниговского драгунского полка Кирилл Забуженков погиб в Бородинском сражении.

Желание выразить благодарность Богу за помощь в одержании побе-

армия П. В. Чичагова (образованная путем объединения армии А. П. Тормасова с Дунайской армией) заняла Минск и Борисов, перерезав главный путь отступления основной группировке сил Наполеона I. Великая армия оказалась в окружении, создалась реальная возможность ее уничтожения в районе р. Березины. Однако из-за несогласованности действий и многочисленных ошибок российского командования 14 нояб. Наполеону I удалось переправиться через Березину и, прорвав кольцо окружения, выйти к Вильно. Потери Великой армии при Березине были огромными: она оставила там все обозы, большую часть оставших, практически всю еще имевшуюся кавалерию и артиллерию. Дальнейшее отступление остатков Великой армии до зап. границы Российской империи походило на паническое бегство.

По окончании боевых действий на территории страны ген.-фельдмаршал М. И. Кутузов имел полное основание написать имп. Александру I: «Неприятель с бедными остатками бежал за границу нашу» (М. И. Кутузов. 1954–1956. Т. 4. Ч. 2. С. 610). Более 500 тыс. чел. из Великой армии нашли в России свою гибель или по-

ды привело к возникновению многочисленных церковных памятников О. в. В течение XIX — нач. XX в. в 20 епархиях было воздвигнуто не менее 49 церковных памятников, посвященных О. в., наиболее величественным из к-рых стал *Христа Спасителя храм* в Москве.

Сакральный смысл О. в. отражен и в Александровской колонне — памятнике имп. Александру I, открытому на Дворцовой пл. С.-Петербурга 30 авг. 1834 г., к 20-летию победы России над наполеоновской Францией. Помещенная на вершине колонны фигура ангела, имеющая портретное сходство с имп. Александром I, поражает змея крестом, что символизирует победу Православия над мировым злом, безбожием и гордыней.

Ист.: *Дубровин Н. Ф.* Отеч. война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882; Бумаги, относящиеся до Отеч. войны 1812 г. / Изд.: П. И. Шукин. М., 1897–1908. 10 ч.; Отеч. война 1812 г.: Мат-лы Военно-ученого архива Гл. штаба. СПб., 1900–1914. Отд. 1. Т. 1–21; 1903. Отд. 2. Т. 1; *Харкевич В. И.* 1812 г. в дневниках, записках и восп. современников. Вильно, 1900–1907. 4 вып.; Акты, док-ты и мат-лы для полит. и бытовой истории 1812 г. / Ред.: К. А. Военский. СПб., 1909–1912. 3 т.; *Военский К. А.* Отеч. война 1812 г. в записках современников. СПб., 1911; *Савёлов Л. М.* Московское дворянство в 1812 г. М., 1912; *Толычева Т.* Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М., 1912; *Французы в России: 1812 г. по восп. современников-иностранцев.* М., 1912. 3 ч.; *М. И. Кутузов: [Док-ты].* М., 1954–1956. Т. 4–5; *Внешняя политика России XIX и нач. XX в.: Док-ты рос. МИД.* М., 1962–1970. Т. 6–7; *Листовки Отеч. войны 1812 г.* М., 1962; 1812 г.: *Воен. дневники.* М., 1990; 1812 г.: *Воспоминания воинов рус. армии.* М., 1991; 1812–1814: *Реляции, письма, дневники.* М., 1992; *Приходское духовенство в Отеч. войне 1812 г.* / Публ.: С. А. Малышкин, В. И. Цвиркун // Рос. архив: История Отечества в свидетельствах и док-тах XVIII–XX вв. М., 1994. Т. 5. С. 85–96; 1812 г. в восп. современников. М., 1995; *Москва и Отеч. война 1812 г.* / Авт.-сост.: Д. И. Горшков. М., 2011–2012. 2 кн.; «Война перьев»: *Офиц. донесения о боевых действиях 1812–1814 гг.: Сб. док-тов / Сост.: А. А. Подмазо и др.* СПб., 2014; *Дневник полкового священника 41-го егерского полка Евфимия Левитского.* М., 2015.

Лит.: *Ахшарумов Д. И.* Описание войны 1812 г. СПб., 1819; *Бутурлин Д. П.* История нашествия имп. Наполеона на Россию в 1812 г. СПб., 1823–1824. 2 ч.; *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отеч. войны в 1812 г. СПб., 1839. 4 ч.; *Богданович М. И.* История Отеч. войны 1812 г., по достоверным источникам. СПб., 1859–1860. 3 т.; *Розанов Н. Павл.* История Моск. епарх. управления со времени учреждения Свят. Синода (1721–1821). М., 1871. Ч. 3. Кн. 2; *Шильдер Н. К.* Имп. Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 3; *Отечественная война и рус. об-во: Юбил. изд.* М., 1911–1912. 7 т.; *Военский К. А.* Русское духовенство и Отеч. война 1812 г. М., 1912; *Краткие ист. сведения о священнослужителях*

воинских частей, участвовавших в Отеч. войне 1812 г. СПб., 1912; *Никольский А. В., прот.* Лица «духовного чина» Моск. епархии в их служении Церкви и Отечеству в 1812 г. М., 1912; *Розанов Н. Петр.* Московские святыни в 1812 г. М., 1912; *Смоленская старина.* Смоленск, 1912. Вып. 2: 1812–1912: Юбил. изд. / Ред.: П. В. Михайлов, Н. Н. Редков; *Студитский И. М.* Русское духовенство в Отеч. войну 1812 г. Кострома, 1912; *Шавельский Г. И., протопр.* Военное духовенство в борьбе России с Наполеоном. М., 1912; *Тарле Е. В.* 1812 г. М., 1959; *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 г. М., 1968; *Пуцко В. Г.* Калужское духовенство в Отеч. войне 1812 г. // *Калужская губ. на II этапе Отеч. войны 1812 г.: Проблемы изучения. Персоналии. Памятники.* Малоярославец, 1998. С. 108–114; *Ивченко Л. Л.* Бородино: Легенда и действительность. М., 2002; *Мельникова Л. В.* Отечественная война 1812 г. и РПЦ // *ОИ.* 2002. № 6. С. 27–38; *она же.* РПЦ в Отеч. войне 1812 г. М., 2002; *она же.* Армия и Правосл. Церковь Рос. империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007; *она же.* Ангел и демон: Александр и Наполеон в восприятии современников // *Родина.* 2012. № 6. С. 74–76; *она же.* Московская епархия в Отеч. войне 1812 г. // *ЖМП.* 2012. № 10. С. 84–89; *она же.* Отечественная война 1812 г. и РПЦ // *Моск. Ев.* 2012. № 7/8. С. 138–147; *она же.* Правосл. Россия против «безбожной» Франции: Свящ. война имп. Александра I // *Рос. история.* 2012. № 6. С. 103–116; *она же.* Церковь в войне 1812 г. // *Рус. история.* 2012. № 1(20). С. 32–37; *она же.* Александр Благословенный: Свящ. война рос. императора // *Эпоха 1812 г. в судьбах России и Европы: Мат-лы Междунар. науч. конф.* М., 2013. С. 390–400; *она же.* Антинаполеоновская пропаганда в России 1806–1814 гг.: Формирование образа внешнего врага // *Французский ежег.*, 2013: «Русская кампания» Наполеона: События, образы, память. М., 2013. С. 162–178; *она же.* Правосл. Россия против «безбожной» Франции: Рус. Церковь и феномен «священной войны» 1812 г. // *Эпоха 1812 г.: Исследования. Источники. Историография.* М., 2014. [Т.] 12. С. 192–211; *Попов А. И.* Великая армия в России: Погоня за миражом. Самара, 2002; *Беззотосный В. М.* Наполеоновские войны. М., 2010; *Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012; *Отечественная война 1812 г. и освободительный поход рус. армии 1813–1814 гг.: Энцикл.* / Отв. ред.: В. М. Беззотосный, А. А. Смирнов. М., 2012. 3 т.

Л. В. Мельникова